

Л. Н. Толстой

**Избранные письма
1900-1910 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Толстой Л.Н.
Т52 Избранные письма 1900-1910 гг. / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 262 с.

ISBN 978-5-458-03914-7

Главной темой произведений великого русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828-1910) стало исследование внутреннего мира человека, моральных основ личности. Мучительные поиски смысла жизни, нравственного идеала, скрытых закономерностей бытия проходят через все его творчество.

В книгу включены письма Льва Толстого 1882-1910 гг.

ISBN 978-5-458-03914-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Н. Толстой, 2021

Лев Николаевич Толстой
Собрание сочинений в
двадцати двух томах
Том 20. Избранные письма
1900-1910

Список условных сокращений

- ГМТ* — рукописный отдел Государственного музея Л. Н. Толстого.
Бирюков, т. I–IV — П. И. *Бирюков*. Биография Льва Николаевича Толстого. В 4-х томах. М. — Пг., 1923.
Булгаков — В. Ф. *Булгаков*. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957.
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
Гольденвейзер — А. Б. *Гольденвейзер*. Вблизи Толстого, т. 11. М. — Пг., 1923.
Гусев — Н. Н. *Гусев*. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973.
Дн. — Дневники Л. Н. Толстого (т. 46–58 Полн. собр. соч.).
ДСТ, т. 1, 2 — С. А. *Толстая*. Дневники. В 2-х томах. М., 1978.
ЛН — «Литературное наследство».
НВ — газета «Новое время».
С. Л. Толстой — С. Л. *Толстой*. Очерки былого. М., 1949.
Переписка, т. 1, 2 — Л. Н. *Толстой*. Переписка с русскими писателями. В 2-х томах. М., 1978.
ПСТ — С. А. *Толстая*. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., 1936.
ПСт — «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка». Л., 1929.
Р. вед. — газета «Русские ведомости».
Р. сл. — газета «Русское слово».
ЯЗ — Д. П. *Маковицкий*. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки. — «Литературное наследство», т. 90. Кн. 1–4. М., 1979.
ЯПб — Яснополянская библиотека.

1900

1. В. Г. Черткову

1900 г. Января 1. Москва.

Письма ваши, Галино и ваше, милые друзья, получил и, сейчас 12 часов, новый 1900 год начинаю тем, что пишу вам. Письма ваши порадовали меня, дали почувствовать вас обоих, милых мне друзей. Разумеется, я писал об Ольге¹. Ее все больше люблю и ценю. Как я рад, что кончил «Воскресение» еще потому, что кончились с вами деловые отношения², хотя косвенные, но всегда отравлявшие для меня вашу, нашу дружбу. Я поправляюсь³, но не отказываюсь от своего сознания близости к переходу и некоторого удовольствия при этом. Умственной нет энергии последнее время и сердечного влечения писать, а только рассуждаю, что надо. Есть теперь две маленьких темы, которые надо исполнить прежде всего другого⁴.

Л. Т.

Как неожиданна была кончина Константина Александровича⁵. Знаю, как грустно Гале, что она не была с ним. Сочувствую ей.

2. Л. Е. Оболенскому

1900 г. Января 1. Москва.

Долго не отвечал вам на ваше радостное мне письмо⁶, дорогой Леонид Егорович, потому что все это последнее время нездоров и слаб. Получил и вашу карточку⁷ и был очень тронут вашим добрым отношением ко мне — и удивлен. Мне представляется до такой степени полным недостатков мое писание, что удивляешься, когда, несмотря на это, оно производит хорошее впечатление — удивляюсь и радуюсь. Жму вашу руку.

Лев Толстой.

1 янв. 1900.

Поздравляю вас с новым годом и желаю всего *хорошего*. Очень благодарен моему писанию за то, что оно возвратило вам доброе отношение ко мне. Это дороже всего.

3. Т. Л. Сухотиной

1900 г. Января 20. Москва.

Что мне тебе, уже не тебе одной, а вам обоим написать? Мама все написала⁸. Пишу только для автографа и еще чтоб сказать, что ваша жизнь была бы очень радостна, как я чувствую ее по письмам, если бы не последнее неприятное событие и нерешенность вопроса о лбе, которая мне сжимает сердце всякий раз, как вспомню⁹. В нашей жизни хорошо то, что я живу очень дружно с мамой, что главное, и также с Сережей¹⁰ — все ближе и ближе и умильней и умильней. Когда он начинает расспрашивать о действии моего желудка и с робостью предлагает мне тереть спину в бане, то это действует особенно умильственно. Маша¹¹, как всегда, мне мила, дорога и радостна, несмотря на ее болезнь. Также

мил мне Коля¹². Андриюша¹³ порывами приближается и удаляется, в особенности своей жестокостью бессознательной или скорее произвольной к кроткой, умной и жалкой Оле¹⁴. Миша¹⁵ далек и не переставая чем-то пьян. Надеюсь, что придет время, когда проспится. Но всякое пьянство оставляет следы. Саша¹⁶ очень мила, и всегда радостно ее видеть. Целую тебя и твоего старого хорошего Мишу. Прошу простить меня за то, что я не ответил ему на его хорошее письмо¹⁷.

Л. Т.

4. Эльмеру Мооду

1900 г. Января 27. Москва.

27 Янв. ст. ст. 1900.

Дорогой Алексей Францевич,

Я, разумеется, не мог сказать и не сказал того, что мне приписывают¹⁸. Произошло это от того, что пришедшему ко мне под видом автора, принесшего свою книгу, корреспонденту газеты¹⁹ я сказал на его вопрос о моем отношении к войне, что я ужаснулся на себя, поймав себя во время болезни на том, что желал найти в газете известия о победе буров, и был рад случаю выразить в письме Волконскому мое истинное отношение к этому делу²⁰, которое состоит в том, что я не могу почувствовать никаким военным подвигам, хотя бы это был Давид против десятка Голиафов, а сочувствую только тем людям, которые уничтожают причины: престиж золота, богатства, престиж военной славы и главную причину всего зла, престиж патриотизма и ложной религии, оправдывающей братоубийство.

Я думаю, что не стоит того печатать в газетах опровержение ложно приписываемого мне мнения. На всякое чиханье не наздравствуешься. Я, например, получаю в последнее время письма из Америки, в которых одни упрекают, а другие одобряют меня за то, что я отрекся от всех своих убеждений. Стоит ли опровергать, когда завтра могут быть выдуманы 20 новых известий, которые будут действовать на наполнение столбцов газеты и карманов издателей. Впрочем, делайте, как найдете нужным.

Здоровье мое все нехорошо, но так как для того, чтобы умереть, есть только одно средство — быть больным, также как и для того, чтобы перенестись с места на место одно средство: сесть в экипаж или вагон, то я ничего не имею против болезни, тем более что она не мучительна и дает мне возможность и думать и даже работать. Занят я теперь преимущественно статьей о рабочем вопросе²¹. Я уже писал об этом, но мне кажется, что имею сказать нечто новое и, надеюсь, просто и ясно.

Пришлите мне, пожалуйста, книжку: «The effects of the factory sistem», Allen Clarke, London, и, если можно, поскорее, и еще новейшие книги или статьи об этом предмете, то есть о положении рабочих теперь²². Очень обяжете меня. Я же вышло вам, что будет стоять. Привет вашей жене²³. Дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

Что делает милый Кенворти? Передайте ему мою любовь.

5. Эдвину Маркгему

<перевод с английского>

1900 г. Февраля 5. Москва.

Эдвину Маркгему.

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу поэм и очень благодарю вас за то, что прислали ее с вашим милым письмом²⁴.

Мне нравятся ваши стихи, в особенности первая поэма, служащая ключом ко всей книге.

Для меня большая радость иметь таких друзей, как вы, по ту сторону земли, как вы говорите.

Уважающий вас

Лев Толстой.

5 февраля 1900.

6. А. М. Жемчужникову

1900 г. Февраля 8. Москва.

Любезный и дорогой друг Алексей Михайлович. Очень радуюсь случаю напомнить тебе о себе сердечным поздравлением с твоей твердой и благородной 50-летней литературной деятельностью.

Поздравляю себя с то же почти 50-летней с тобой дружбой, которая никогда ничем не нарушалась²⁵.

Любящий тебя друг

Лев Толстой.

8 февраля 1900.

7. Максиму Горькому

1900 г. Февраля 9. Москва.

Простите меня, дорогой Алексей Максимыч (если ошибся в имени, еще раз простите), что долго не отвечал вам и не послал карточку²⁶. Я очень, очень был рад узнать вас и рад, что полюбил вас²⁷. Аксаков говорил, что бывают люди лучше (он говорил — умнее) своей книги и бывают хуже. Мне ваше писанье понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания. Вот какой делаю вам комплимент, достоинство которого, главное, в том, что он искренен. Ну, вот, прощайте, жму вам дружески руку.

Лев Толстой.

Надеюсь, что письмо мое застанет вас здоровым. Как хорош рассказ Чехова в «Жизни»²⁸. Я был очень рад ему.

8. А. Ф. Марксу

1900 г. Февраля 27. Москва.

Милостивый государь Адольф Федорович,

Посылаю вам повесть С. Т. Семенова²⁹. Все, что пишет Семенов, всегда очень хорошо как в нравственном, так и в художественном отношении. Его уже давно печатали по моей рекомендации³⁰ и в «Русских ведомостях» и в «Русской мысли»³¹, но он пишет мне, что желал бы эту повесть поместить именно в вашем журнале, во-первых, потому, что эта повесть будет иметь интерес для вашего

читателя, а во-вторых, потому, что он желал бы установить отношения с вами. Хотя я не читал этой повести, зная добросовестность Семенова, я смело рекомендую ее вам. Адрес его: Сергею Терентьевичу Семенову, Волоколамск, Московск. губ., деревня Андреевская.

Пользуюсь случаем благодарить вас за присылку экземпляров «Воскресения»³² и желаю вам всего хорошего.

9. В. Г. и А. К. Чертковым

1900 г. Февраля 28. Москва.

Дорогие друзья Владимир Григорьевич и Анна Константиновна.

Приезжающие от вас: Коншин, Суллер³³, Буланже спрашивают у меня, получил ли я ваши письма и переписанные рукописи. Все получил давно, очень благодарен и прошу простить за неаккуратность, что не сообщил о получении. Жаловаться на нездоровье не могу, но чувствую себя много ослабевшим и потому прошу вас, друзей моих, быть ко мне снисходительней и, главное, не приписывать моему молчанию значение охлаждения. Кем вы были для меня — одними из самых дорогих мне людей, общение с которыми, знание, что они существуют, дает мне лучшие, балующие меня радости жизни — так это осталось и не может не остаться навсегда, навечно, потому что вечно то, во имя чего мы соединены. Слаб я, главное, оттого — и неаккуратен в переписке, что, чувствуя упадок сил — не по существу, а по времени, — я всю энергию сосредоточиваю на время работы, в остальное же время чувствую себя exhausted³⁴.

Странное дело, это не только не ослабляет способность работы, но (может быть, я грубо заблуждаюсь) чувствую, что усиливает ее. По времени короче, но по интенсивности гораздо сильнее. Очень может быть, что другие будут иного мнения, и для других это так и будет, но для меня-то я знаю, что это так. Часто бывает очень, очень хорошо, так хорошо, как никогда не бывало прежде. Вот хотелось писать о вас, а кончил тем, что пишу о себе, глупо хвастаясь — простите. О вас же я хотел писать вот что: Буланже сказал мне то, что я предвидел, что письмо Маши было вам неприятно³⁵. Я знал это и, хотя понимаю ее — не понимаю, а чувствовал, что ею руководило какое-то хорошее побуждение, очень жалею, что она послала его. В сущности же это письмо ничего не говорит, кроме того, что она хочет быть свободна для того, чтобы свободно делать то, что вы хотите. С моей же стороны не может быть в этом отношении желания, не согласного с вашим. Я знаю, что никто не относится с таким преувеличенным уважением и любовью к моей духовной жизни и ее проявлениям, как вы. Я это всегда и говорю и пишу, и это написал в записке о моих желаниях после моей смерти, прося именно вам и только вам поручить разборку моих бумаг³⁶. И потому я всегда сообщал и буду сообщать вам первому то, что считаю стоящим обнародования. Если в этом отношении вам может показаться, что я не всегда это исполнял, то это происходит от чувства, которое вы поймете, желания не приписывать самому значения всяким своим писаниям. Очень жалею, что письмо Маши огорчило вас, пожалуйста, не сердитесь на нее и не осуждайте. И перестанем говорить про это.

Буланже живо рассказал мне про вашу жизнь, ваше настроение, и, хотя постоянно чувствую вас, я живее по его рассказу почувствовал всю тяжесть и напряженность вашей жизни, и мучительно захотелось помочь вам, облегчить ваше

положение, разделить тяжесть его.

Вы писали как-то, выражая мысль, что я не сочувствую вашей деятельности. Мое отношение к вашей деятельности особенное. Не могу я не сочувствовать изданиям, которые распространяют те истины, которыми я живу, и еще более тому, что в них передаются те мои мысли и опыты внутренней духовной жизни, которые того стоят, и передаются и отбираются человеком, который мне особенно близок по духу и потому делает это дело наилучшим образом. Но эта вторая сторона дела имеет в себе сторону личного удовлетворения, славы людской, и потому я невольно сдерживаю свое сочувствие к этой стороне вашей деятельности. Пожалуйста, не упрекайте меня ни в лишней скромности, ни гордости, перенеситесь в меня и поймите это.

Еще обстоятельство, вследствие которого я не сочувствую внешней форме этого дела, или, скорее, сочувствие: мое к нему уменьшается, состоит в том, что для него нужны деньги, которых нет, которые надо добывать, да и вообще деньги, и все нечистое, безнравственное, связанное с ними. Главное же обстоятельство, уменьшающее мое сочувствие, это то, что оно поглощает до страдания обоих вас, милые, друзья, и заставляет вас тратить духовные большие силы; на дело, которое ниже ваших сил (я разумею денежную сторону) и, вероятно, временами заставляет приносить в жертву высшие требования низшим. Я не возражаю вам, не осуждаю вашу деятельность, знаю, что в вашем положении эта деятельность дает смысл вашей жизни (я вычеркнул слово «одна», потому что этого не может и не должно быть: смысл истинный независим от какой-либо деятельности). Я только указал на те drawbacks³⁷, которые за вас мучают меня. Может быть, нескладно, но я совершенно точно высказал мое отношение к этому делу; отношение же к вам нечего высказывать — оно глубже слов.

Я, кажется, кончил маленькую статью о патриотизме³⁸ и теперь работаю над статьей, разрастающейся и очень меня занимающей, о рабочем вопросе. Кажется мне, что я имею сказать кое-что новое и ясное³⁹.

Прощайте, милые друзья. Хотел бы вам сказать: почаще поднимайтесь на ту высоту, с которой все практические дела кажутся крошечными и идущими так, как им должно, но уверен, что и сами это делаете. Без этого нельзя жить. Потолкаешься о препятствия, неприятности мирских дел, и невольно вспомнишь, что есть крылья и есть небо и можно взлететь, пока хоть на время, чтобы набираться сил на работу.

Лев Толстой.

10. Американскому телеграфному агентству «American Cable News»

<перевод с английского>

1900 г. Апреля 28? Москва.

Добрые услуги Америки могут состоять лишь в угрозах войны⁴⁰, а потому сожалею, что не могу исполнить вашего желания.

11. М. И. Сухомлинову, вице-президенту Академии Наук

1900 г. Мая 2. Москва.

Милостивый государь,

Диплом и список книг мною получены⁴¹. Благодарю вас за присылку их.

Писатель, которого я предложил бы к избранию в почетные члены, это художник и критик *П. Д. Боборыкин*. Если это можно, то я повторяю это предложение 6 раз⁴².

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть ваш покорный слуга

Лев Толстой.

2 мая 1900.

12. Эдуарду Гарнету

<перевод с английского>

1900 г. Июня 21. Ясная Поляна.

Милостивый государь,

Благодарю вас за ваше письмо от 6 июня⁴³. Когда я читал его, мне казалось невозможным послать какое-либо обращение к американскому народу.

Но, обдумав это еще раз ночью, я почувствовал, что если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гаррисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чаннинга, Уитиера, Лоуела, Уота Уитмена — блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе.

И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которых вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи) и почему он не продолжает того хорошего дела, которое столь успешно ими начато.

Передайте мой привет вашей жене. Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить ее за прекрасный перевод «Царства божия внутри вас»⁴⁴.

Уважающий вас

Лев Толстой.

13. И. Д. Гальперину-Каминскому

1900 г. Июля 24. Ясная Поляна.

Очень рад был узнать, любезный Илья Данилович, что здоровье ваше поправилось. Желая вам благополучно вернуться домой. Вы спрашивали меня о вашем переводе «Воскресения»⁴⁵. Я не читал его всего, но просматривал в тех местах, где выпущено в других изданиях и переводах, убедился, что ваш совершенно полон и точен, так как сделан с самого верного английского издания⁴⁶. Вы же всегда переводите очень точно и старательно.

Надеюсь, что письмо это застанет вас здоровым и на отъезде.

Лев Толстой.

24 июля 1900.

14. Жану Батисту Коко

<перевод с французского>

1900 г. Августа 1/13. Ясная Поляна.

Всем сердцем одобряю идею плебисцита против войны. Я работаю изо всех моих сил над тем, чтобы результат всемирного плебисцита мог бы быть благоприятен для всеобщего мира⁴⁷.

Лев Толстой.

1900. 12 августа.

15. О. К. Клодт

1900 г. Августа 2. Ясная Поляна.

Дорогая Ольга Константиновна, к сожалению, слухи о моей поездке за границу несправедливы⁴⁸, и я не могу исполнить моего и вашего желания приехать к вам и повидать Арвида в его доме⁴⁹. Пишу вам не своим почерком, потому что был нездоров и теперь еще слаб. Я сижу дома и все время был занят статьею «Рабство нашего времени», которую на днях отослал в Англию⁵⁰. Мне кажется, что мне удалось сказать кое-что новое о тех экономических вопросах, которые так занимают теперь общество и которым посвящена эта статья. Очень рад буду, если она понравится Арвиду и он переведет ее⁵¹. Вы говорите о тяжелых условиях, в которых находится Арвид; в чем состоят они, напишите мне⁵². Рад был узнать из вашего письма, что вы возвращаетесь в ту рабочую семью, в которой жили⁵³. Я вследствие своей старости и болезни и других условий лишен этого близкого общения с рабочим людом и очень больно чувствую это лишение, в особенности теперь, когда я писал свою статью и все более и более уяснял себе всю преступность и жестокость нашей барской жизни. Прощайте, желаю вам всего лучшего. Привет Арвиду и его брату⁵⁴.

Любящий вас

Лев Толстой.

2 августа 1900.

16. М. О. Меньшикову

1900 г. Сентября конец. Ясная Поляна.

Сейчас опять читаю из «Книжек Недели» «Очерки прошлого» и восхищаюсь⁵⁵. Я не все еще прочел. Но везде, где ни открою — прелестно. Это без всякого сравнения лучше всего того, что печаталось во весь год в «Неделе». Пишу это только затем, чтобы поделиться с вами моим впечатлением. Судя по времени, которое она описывает, это уже не молодая женщина. Как она с таким талантом утерпела не писать и хорошо сделала. Это одно из тех истинно художественных произведений, которые открывают в том, что давно видишь, новые невиданные и прекрасные вещи. Поблагодарите ее от меня.

Лев Толстой.

Ваша статья о Горьком мне очень понравилась⁵⁶.

17. Л. А. Ергольской

1900 г. Октября 2. Ясная Поляна.

Милостивая государыня

Людмила Андреевна,